

A woman with dark, wavy hair, wearing a red spaghetti-strap dress, stands on a beach at sunset. She holds a handgun in her right hand and a large, fluffy white fur stole in her left. In the background, a large, multi-story hotel building is situated on a small island, with palm trees and the ocean visible. The sky is a mix of orange and blue.

Ричард Хард The Paradise Hotel

КЛЮЧИ ОТ РАЯ

Ричард Хард

КЛЮЧИ ОТ РАЯ

«Автор»

2026

Хард Р.

КЛЮЧИ ОТ РАЯ / Р. Хард — «Автор», 2026

«Ключи от Рая» — это стильный, напряжённый детектив с налётом нуара, где роскошь соседствует с отчаянием, а за каждым романом — разбитые сердца. «Рай» — не просто название роскошного отеля на берегу океана. Это ловушка, сплетённая из блеска, денег и чужих тайн. Лабиринт из номеров, где у каждого свой скелет в шкафу. Здесь шампанское льётся рекой, а взгляды скользят по лицам, выискивая трещины в масках. Готовы ли вы войти? Дверь уже приоткрыта

© Хард Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ричард Хард

КЛЮЧИ ОТ РАЯ

Глава 1

Тайна старой фотографии.

Если есть путь — найдётся и идущий.

Серый осенний день накрыл центр Лондона плотной вуалью из тумана и шума проезжающих машин. Прохожие спешили по делам, кутаясь в пальто и приподнимая воротники, словно пытались укрыться не только от промозглой сырости, но и от самой атмосферы дня. Они изредка поглядывали на небо — туда, где тяжёлые тучи сгустились, выстраиваясь в замысловатые мрачные своды, будто над городом возводился призрачный средневековый замок, чьи свинцовые стены смыкались всё плотнее, грозя обрушиться на головы горожан дождем.

В этих торопливых взглядах читалась привычная лондонская покорность: дождь придёт, это неизбежно, и с этим ничего не поделать. Никто из прохожих не задерживал взгляд на окнах, не искал в них чьих-то историй. А между тем в одном из них, почти затерянном среди одинаковых рам, застыл одинокий силуэт женщины.

Она стояла неподвижно, будто часть интерьера, сливаясь с полумраком комнаты. В её очертаниях было нечто неуловимо призрачное — будто она не столько существовала, сколько проступала сквозь реальность, как воспоминание, которое вот-вот растает. Эта схожесть с призраком, что бродят по мрачным замкам в глухую полночь, рождала странное чувство: казалось, она не принадлежит этому городу — и в то же время неотделима от него, словно душа Лондона обрела человеческий облик и теперь молча наблюдала за суетой внизу.

Джессика Ховард стояла в кабинете мужа у окна фешенебельного особняка — того самого, где каждая деталь хранила отголоски их общей жизни: тяжёлый глобус из тёмного дуба с медной окантовкой — застывший свидетель дальних странствий, едва уловимый запах парфюма мужа, словно он все еще здесь, в своем любимом кресле, читает вечерние газеты. Она горько улыбнулась, ловя себя на мысли, что все еще можно вернуть...

Её взгляд скользнул по стенам — ряды картин, таких привычных, сливались в единую череду позолоченных рам — античные сюжеты, исполненные в духе строгой аристократической эстетики.

На одной из них нимфа скользила по мраморным ступеням к источнику, её полупрозрачные одежды струились, словно сотканные из лунного света; на другом — Аполлон в окружении муз замер в торжественном покое, словно благословляя этот дом. Эти картины не пробуждали в ней каких-либо чувств — в них она видела лишь холодную красоту, присущую коллекциям старых английских родов.

Но сегодня ей казалось, что глаза персонажей, застывших на полотнах, следят за ней с холодной насмешкой — будто немые свидетели, посвящённые в тайны дома, в каждую тень, прятанную в его углах.

Джессика тяжело вздохнула и с явным облегчением оторвав взгляд от картины, снова повернулась к окну. Ее тонкие пальцы едва касались прохладного стекла, будто она боялась спугнуть старые воспоминания — они и правда готовы были растаять, как утренний туман над Темзой. Внизу, по-прежнему, сутились прохожие, сливаясь в монотонный поток и даже не подозревавшие, что за этим тонким стеклом на них смотрит та, чей мир только что рухнул...

Джессика невольно ловила взглядом каждого мужчину, надеясь узнать в нем мужа и невольно сравнивала их с ним — с его неторопливой походкой, привычкой поправлять манжету и тем особенным взглядом, от которого у неё когда-то замирало сердце.

Но тщетно, она чувствовала только холод стекла и пустоту внутри. Неужели для нее все кончено, неужели это финал? Три года, три полных надежд года, когда она была счастлива... Она на миг закрыла глаза и передней, словно в кинофильме, пронеслись яркие моменты их, с мужем жизни.

«Не такой уж большой срок, чтобы делать окончательные выводы, — подумала она, и в груди шевельнулось нечто похожее на протест против самой себя, — но и не маленький, чтобы понять: да, она была счастлива. По-настоящему. До последней минуты».

А потом взгляд её скользнул к столу мужа — к стопке писем, которые он так и не успел вскрыть, к серебряному пресс-папье, слегка сдвинутому в сторону, будто кто-то торопливо искал что-то среди бумаг и к одной единственной вещи, которой, как казалась была здесь лишней: к старой фотографии, пожелтевшей по краям.

Она лежала поверх папки, лицом вверх, и на ней был изображён мальчик лет десяти — в твидовом пиджачке, с чуть взъерошенными волосами, он стоял на фоне строгого английского особняка под свинцовым небом; в его взгляде читалась та самая смесь упрямства и затаённой грусти, какая бывает у детей, которым слишком рано приходится взрослеть.

Снимок выглядел почти буднично, словно случайный кадр из *чужой* жизни, но именно эта особенность и резала взгляд, как заноза, которую не сразу замечаешь — а почувствовав, уже не можешь игнорировать.

Джессика застыла, чувствуя, как по телу пробежал легкий озноб, не имевший ничего общего с прохладой стекла. Она не помнила этой фотографии, не знала этого мальчика; в семейном архиве не было ни одного снимка, где муж выглядел бы таким юным, таким... *чужим*. А этот кадр был словно тихим, почти незаметным щелчком чьей-то тайны — так защёлкивается замок на двери, за которой тебя больше не ждут. И теперь ей предстояло выяснить, кто его закрыл... и почему.

Убийство... Пожалуй, неправильно было называть это убийством, поскольку муж ещё жив. И всё же, глядя в больнице на его тело, опутанное проводами и капельницами, Джессика ощущала именно это — убийство, тихое и беспощадное, совершённое по чьей-то жестокой воле.

С тех пор как это случилось, Джессика почти не выходила из дома. Прежняя жизнь не просто утратила все краски, она выглядела как холст, на котором безумный художник в приступе ярости, размазал картину, превратив ее в хаос. Теперь единственным цветом, который она различала, был тёмно-красный — цвет крови, вьёвшийся в ковёр их с мужем спальни и в её память.

Она села в кресло, и старая кожа скрипнула под её весом, словно жалуясь на тяжесть её горя. Мгновение, на которое она прикрыла глаза, казалось, растянулось в вечность, а перед внутренним взором тут же вспыхнул вчерашний день, тот самый, когда всё случилось. Всё та же картина, застывшая, как кадр из плохого фильма. Фильма, который не хочется смотреть и, который ей никогда не забыть: тело её мужа на полу, словно сломанная кукла; вокруг его головы — тёмное пятно, расплывающееся, словно живое; и маленькое отверстие в шторе от пули, аккуратное, почти незаметное, если не знать, куда смотреть.

Джессика во всем ценила чистоту и порядок, но спустя две недели, она так и не поменяла эти шторы, как и ковёр с пятном крови на полу, — напоминание о том, что она должна найти убийцу.

Полиция тщательно осмотрела место преступления, надеясь отыскать хоть малейшую зацепку, но не обнаружила ничего, что могло бы пролить свет на случившееся. Единственной уликой оставалась пуля, извлечённая хирургом из головы мужа. Однако она, словно храня

упрямое молчание, не давала ни единой нити для расследования. Смятая ударом о кость, она утратила следы нарезов ствола, микрочастицы рассеялись, а без оружия для сравнения даже безупречная улика становится просто куском металла.

Лежащая на столе мужа фотография не привлекла их внимания — но не могла оставить равнодушной Джессику. Она осторожно взяла снимок в руки. Мальчик на нём смотрел так, будто отчаянно пытался что-то сказать, донести до неё какую-то важную тайну. Снимок и правда был очень старым... Что он значил для мужа?

Джессика уже хотела вернуть фотографию на место, но вдруг её взгляд зацепился за деталь, которую она прежде не замечала: в руках у мальчика был старинный фолиант. «Деяния Одиссея: нерассказанные главы» — та самая утраченная редакция древнегреческого эпоса, которую в викторианскую эпоху отыскал в Италии увлечённый коллекционер.

В этой книге Одиссей был описан не столько благородным героем, сколько искусным мастером обмана — всегда на шаг впереди врагов, исчезающий без следа и оставляющий после себя лишь туманные намёки.

Муж приобрёл фолиант за баснословную сумму и хранил в специальном сейфе, подальше от чужих глаз, словно оберегая не как просто книгу, а некую сокровенную тайну. Почему эта фотография сейчас лежала у мужа на столе — не в альбоме, не в ящике, а именно здесь, на самом виду, словно нарочно выставленная напоказ? Будто он хотел, чтобы кто-то её заметил. Джессика резко выпрямилась, сердце забилось чаще: фолиант... она должна немедленно проверить, на месте ли он.

Она бесшумно подошла к массивным книжным полкам, её взгляд скользнул по строгим линиям потрёпанных старинных томов с золотым тиснением. Пальцы едва коснулись шершавой кожи переплёттов, словно пытаясь прочесть их секреты через прикосновение.

Она выбрала несколько книг, убрав которые ее взору открылась знакомая дверца тайного сейфа. Дрожащими пальцами, боясь ошибиться, Джессика набрала комбинацию из четырех цифр — код, который сразу сработал. Замок щёлкнул, поддавшись и дверца распахнулась... Внутри сейфа лежал тот самый фолиант — потрёпанный, с потемневшими от времени уголками и едва заметной, тиснёной эмблемой, смысл которой давно стёрся из людской памяти.

Джессика взяла его в руки осторожно, почти благоговейно — словно книга могла обжечь их, подобно раскалённым углям, или выпустить наружу нечто, что уже нельзя будет загнать обратно. Сев за стол мужа, она вдруг ощутила присутствие Мэтью Ховарда — будто муж стоял за ее спиной и пристально наблюдал за ней.

Раскрыв фолиант, она пробежала взглядом по пожелтевшим страницам, испещрённым мелким, витиеватым почерком. Каждая строчка казалась загадкой, каждый символ — ключом, который она не знала, как использовать. Но, пролистав страницу за страницей, она ничего не нашла — ни записки, ни пометки, ни намёка на то, что искала. Лишь тишина, сотканная из букв, смотрела на неё с укоризной, будто смеялась над её тщетными надеждами.

Джессика вернулась в реальность в которой ей не было места. Она больше не была той женщиной, что входила в этот кабинет с надеждой на будущее, — теперь она словно старый, семейный альбом с воспоминаниями о прошлом.

Подойдя к окну она смотрела, как листья падают на асфальт — медленно, бесшумно, неотвратно. Они кружились в последнем танце, прежде чем навсегда застыть на сером асфальте. Ветер подхватывал их, кружил, будто не желая отпускать, а потом безжалостно швырял вниз.

Сейчас эти листья, оторванные от ветвей дерева, напоминали ей о бренности этого мира, о том, как легко и незаметно рушатся самые смелые планы и надежды.

«Все мы когда-то отправимся в свой последний полёт...» — подумала она, проведя рукой по краю мраморного подоконника и чувствуя его холод, словно это была её надгробная плита.

Мрамор был гладким и твёрдым, но под её пальцами он будто терял свою прочность, становясь лишь хрупкой оболочкой, неспособной удержать бурю внутри.

Внезапно позади раздался стук в дверь — тихий, едва уловимый, будто кто-то боялся нарушить царившую в доме тишину. Ей не нужно было гадать, кто стоит за порогом.

— Войди! — обронила она, и собственный голос прозвучал непривычно сухо.

Дверь распахнулась, и она услышала тяжёлые мужские шаги. Но Джессика не сочла нужным хотя бы обернуться в знак приветствия. Шаги постепенно стихли — на почтительном расстоянии от хозяйки дома. Эта дистанция говорила красноречивее любых слов: она означала уважение не только к ней, но и к её горю.

Время шло, но Джессика по-прежнему не замечала вошедшего. Застывшая, словно изваяние, она неотрывно смотрела в окно, будто там надеялась разглядеть ответы на вопросы, терзавшие её душу.

— Ты должен мне его найти, Торн, — наконец произнесла она и обернувшись, пристально взглянула в стоящего перед ней мужчину, затем добавила:

— Ты ведь можешь это сделать?

Вопрос для Торна прозвучал скорее как утверждение, но он не спешил с ответом и лишь пожал плечами.

— Я знаю, ты это можешь, — Джессика холодно усмехнулась и её взгляд стал неприятным для Торна, он поежился, но не отвёл глаз.

— Хочешь, чтобы я нашел убийцу Мэтью? — голос Торна прозвучал неуверенно.

— Вот видишь, ты сам это сказал, — заметила она ему.

— Что сказал? — не понял Торн.

— Мой муж еще жив, но ты сказал о нем словно он уже мертв. Ты ведь был в клинике и уже понял, что ему недолго осталось?

— Да, я был в клинике, и врачи...

Она перебила его:

— Не надо... Я знаю, что говорят врачи, — её голос сорвался, став похожим на хруст сухих листьев под ногами, который, однако, тут же угас, сменившись горькой усталостью. — Прости... Просто найди мне его.

Джессика вновь отвернулась к окну, пряча выступившие слёзы.

Лицо мужчины, испещрённое глубокими морщинами, походило на древнюю карту забытого континента: изрезанные изгибами рек долины тянулись по щекам, хребты складок вздымались над висками, а где-то в глубине этих суровых ландшафтов застыли два голубых озера — глаза, не отрываясь следившие за Джессикой. В их взгляде читалась тяжёлая, почти осязаемая сосредоточенность, от которой становилось не по себе.

Торн Монтего не был обычным другом семьи — скорее её молчаливой тенью, незаметной, но при этом незаменимой. Он следил за тем, чтобы всё в этой семье шло так, как задумано. А если что-то и случалось не так — Торн тут же решал возникшие проблемы. Делал он это изящно, будто стряхивал пылинку с дорогого сукна, но при этом — кардинально, не оставляя ни следов, ни намёка на то, скольких усилий ему это стоило. Делал он это не столько из-за денег, сколько из уважения.

Семья Ховард явно стояла таких забот. Ведь однажды они помогли ему стать тем, кем он всегда мечтал быть, — значимым, нужным, тем с кем считались. Человеком, чьё слово что-то да значит. Торн это знал, ценил и никогда не забывал.

Он провёл рукой по лицу, словно пытаясь стереть накопившуюся усталость, но она почему-то не исчезала — словно въелась в каждую его морщинку, в каждый нерв, лишая покоя. Тяжёлая, вязкая, будто пыль, что мешала каждому его вздоху.

Осторожно подойдя к окну, Торн встал рядом с Джессикой. Собравшись с духом, он едва коснулся рукой её плеча — лёгкий, почти робкий жест, в котором читалось желание утешить,

поддержать. Но эта невинная попытка обернулась новой бурей в душе девушки: она резко дёрнула плечом, будто его прикосновение обожгло её, словно языки пламени лизнули кожу.

В тот же миг, в окне, из-за туч, выглянуло солнце. Его лучи легли на застывшую у окна Джессику, а её тень, упав на пол, вытянулась, будто зловещее предзнаменование.

Мужчина замер, тут же убрал руку и почтительно отступил на полшага.

— Хорошо, я сделаю это... но будет не просто, — произнес он тихо, зная заранее, чем все это закончится.

— Было бы легко, я бы не обращалась к тебе! — заметила Джессика.

Повернувшись к Торну, она посмотрела в сторону двери, давая понять, что разговор окончен, но в последний момент добавила:

— Не сможешь сам — найди нужных людей, обещаю им всё, что угодно. Любая цена, любые условия, о большем я тебя не прошу. Остальное... — она на мгновение умолкла, словно прислушиваясь к себе, проверяя, хватит ли ей сил довести мысль до конца, — я решу сама.

Торн молчал. В эту минуту он, как и Джессика, стоял на краю бездны — молча, отрешённо смотрел вниз, в бездонную пропасть, будто пытался разглядеть там хоть слабый отблеск надежды, что всё ещё можно исправить. Но в зияющей пустоте не было ничего, кроме ледяной тьмы.

Медленно, почти против воли, он кивнул:

— Хорошо... Я найду его.

Спустя три дня Джессика получила от Торна короткое сообщение: «Пол Кейн».

Всего два слова — и в груди Джессики что-то дрогнуло, будто туго натянутая струна наконец-то отозвалась на прикосновение. Этого было достаточно. В её плане, который до этого был лишь смутным очертанием, проступила первая чёткая линия — единственный пункт: «Убить Пола Кейна». Большого и не требовалось.

Она тут же принялась его осуществлять — с холодной сосредоточенностью человека, у которого больше нет времени на сомнения, нет места для колебаний, только желание свершить правосудие.

Этой ночью она наконец уснула, а едва лучи утреннего солнца проникли в её спальню Джессики, приняв окончательное решение, позвонила Торну и вызвала его к себе. В её голосе он явственно услышал то, что всегда хотел — ясную и холодную, как январское утро, решимость.

— Теперь, когда ты знаешь кто он, ты знаешь, что нужно сделать, — произнесла она, глядя на него в упор.

Торн едва заметно кивнул — этого хватило, чтобы она поняла: он всё сделает правильно.

— Так чего же ты ждёшь? Ты решал все проблемы, так реши и эту.

Она взяла со стола одноразовый телефон — купленный специально для таких случаев и протянула его Торну.

Он чуть нахмурился, будто проверяя, не ослышался ли.

— Ты хочешь, чтобы я убил его? — все же уточнил он.

Она на миг задумалась, словно ее план дал трещину, но тут же уверенно произнесла:

— Не совсем. Пусть это сделает кто-то другой. След не должен вести к нам. Ты понял?

Торн кивнул.

— У тебя есть надежный человек способный на такое?

Торн снова кивнул и в уголках его губ застыла плотоядная улыбка. Он, взяв протянутый ему телефон, уже собирался уходить, когда Джессика остановила его:

— Стой! Звони ему сейчас, при мне. Я хочу слышать ваш разговор.

Торн продолжал стоять, не решаясь на то, о чем она его просила.

— Звони! Чего ждешь? — не выдержала она. — И включи громкую связь!

Торн молча повиновался. Привыкший слышать указания ее мужа, он никак не ожидал от нее самой такого напора. Развернувшись, он быстро набрал знакомый номер. Гудки прозвучали ровно три раза прежде, чем ему ответили.

— Раз звонишь, значит что-то случилось, — послышался женский голос. Это не было вопросом — скорее констатацией факта. — Имя?

— Пол Кейн, — спокойно, словно выписывая чек, ответил Торн.

С Джессики будто сползла тяжёлая пелена сомнений. «Вот и всё...» — подумала она и выдохнула. Теперь всё шло к развязке и мир вокруг сразу стал проще, яснее — и оттого чуть светлее, словно из него убрали всё лишнее.

Голос в телефоне добавил:

— Срок?

Торн молча взглянул на Джессику. Она на мгновение замерла, пыталась представить перед собой лицо Пола Кейна — человека, который одним выстрелом перечеркнул её жизнь.

«Как быстро он должен умереть? — эта мысль вдруг обожгла сознание, прежде Джессика об этом не задумывалась. — Сколько нужно времени, чтобы мир снова стал прежним — день или два?» Чёрт! Вопрос казался простым, но ответа на него у неё не было.

— Думаю, два дня я подожду, но не более... — наконец произнесла она.

Торн кивнул.

— Два дня, — коротко бросил он.

— Принято. Оплата — как обычно. Пожелания есть?

Торн прикрыл телефон рукой, чтобы собеседник его не слышал, и снова вопросительно посмотрел на Джессику.

Она смотрела на него, не в силах постичь смысл сказанного: глаза широко распахнуты, в них — чистое непонимание. В отчаянии она развела руками.

— Способ убийства, — тихо пояснил Торн.

Джессика кивнула и снова задумалась — на этот раз чуть дольше.

Она опустила руку в кресло мужа и медленно провела пальцами по краю стола. Под ухоженными ногтями ощущались мелкие царапины на полировке — словно шрамы, молчаливые отголоски прошлого.

«Может, просто застрелить?» — мелькнуло в голове. Но это слишком милосердно и банально. Вряд ли такая месть принесёт облегчение. Пол Кейн должен страдать... Тогда отравить? Пусть умирает медленно, мучительно...

Варианты проносились в сознании, словно тусклые, стёртые карточки из старой колоды — все сюжеты давно известны, заезжены, не вызывают ни трепета, ни восторга. Джессика поморщилась: банально, скучно, ни тени изящества. Ни послевкусия, способного утолить эту жгучую, разъедающую изнутри жажду возмездия. Ни намёка на ту самую, выстраданную справедливость, о которой она грезилась ночами.

И вдруг, неожиданно для самой себя, Джессика осознала: смерть — это всегда облегчение, финал, избавление от страданий. А она желала Полу вовсе не конца, а именно мук — долгих, изматывающих и пусть эти страдания длятся, пока он дышит. Пусть угасает день ото дня, теряя опору под ногами. Пусть тонет в бескрайнем океане отчаяния, где нет ни надежды, ни спасения. Она хотела видеть, как страх прорастает в нём, как он начинает сомневаться в каждом шорохе, в каждой тени, в каждом слове. Он должен был почувствовать всю горечь и боль её утраты.

Джессика медленно покачала головой, и в этом едва заметном движении читался отказ от самой идеи быстрого финала.

Её губы тронула тонкая, почти незаметная улыбка. Она ещё не знала, какой именно путь выберет, но одно было ясно: это будет нечто особенное. Что-то, что станет отражением её боли и когда всё закончится, мир вокруг её снова станет прежним.

Она снова взглянула на Торна, тот по-прежнему ожидал её ответа.

— Забудь всё, что я тебе сказала, — произнесла она, и он вдруг уловил в её голосе не облегчение, а какой-то леденящий азарт.

Торн не стал задавать лишних вопросов. Просто поднёс телефон к губам и уверенным голосом произнёс, чётко, как удар топора, рассекающий воздух:

— Жди указаний... Я перезвоню.

— Принято, — отозвался женский голос и наступила тишина.

Джессика поднялась с кресла и медленно подошла к картине, где Аполлон в окружении муз застыл в вечном сиянии красок. Привыкший к приказам, Торн молча наблюдал за ней, даже не пытаясь понять, что именно у нее на уме.

Она рассматривала картину так, словно видела ее в первый раз. Ещё недавно ей казалось, что взгляды персонажей полны насмешки, обращённой к ней, но теперь в них читалось совсем иное: чистое, почти благоговейное восхищение Аполлоном. Музы больше не смотрели на Джессику, их взоры скользили по мужскому мускулистому телу, выхватывая из полумрака каждый безупречный изгиб, будто стремились запечатлеть эту красоту навек.

Джессика задержала взгляд на полотне, и идея, едва зародившись, мгновенно обрела очертания, пришлась ей по вкусу — изящная и коварная, как шёлковая петля, затянутая с безупречной точностью. В этот миг ей почудилось, будто мир вокруг переменился — всё встало на свои места.

— Я заставлю тебя страдать, Пол Кейн, — тихо, почти шёпотом проговорила она, будто делилась тайной. — Ты пожалеешь о том, что родился...

В её словах не было ни клокочущей злобы, ни надрывной истерики — лишь ледяное спокойствие. Но в её устах они были хуже любого проклятия и пугали куда сильнее любой ярости: в них слышалось обещание, которое непременно исполнится.

Она улыбнулась — и в этой улыбке сквозило столько коварства, что у Торна, наблюдавшего за ней, внутри всё похолодело. В её глазах он увидел пламя, в котором горел Пол Кейн...

Глава 2 Обман.

Обман — это не просто слова, которых не было: это новая реальность, которую кто-то настойчиво пытается тебе навязать.

Наши дни...

Пол Кейн только что вышел из ординаторской, где у него состоялся нелёгкий разговор с заведующим нейро-центра Джеймсом Картером — клиники, специализирующейся на нейродегенеративных заболеваниях.

Свет в коридоре вдруг показался слишком ярким, звуки — слишком резкими. Он всё ещё ощущал на себе этот сочувствующий взгляд заведующего — тёплый, но от этого ещё более тягостный, будто ему уже вынесли тихий, деликатный приговор.

Каждый год Пол проходил плановую диспансеризацию — и всё из-за Майкла, его внука. Сам Пол всю жизнь старательно избегал врачебных кабинетов, предпочитая им бары, а лекарствам — виски и долгое время ему это вполне удавалось. Но Майкл... С присущей ему убедительностью и упрямой настойчивостью, он день за днём подтачивая его сопротивление, и в какой-то момент Пол сдался. О чём потом не раз пожалел.

Со временем эти визиты в клинику превратились в унылую рутину и вот результат: Пол неожиданно узнал, что болен — и болен серьёзно.

Новость обрушилась на него, словно проклятие за собственную беспечность, ведь он почти уверовал в собственное бессмертие. Во всяком случае, именно так частенько ворчали хирурги, раз за разом извлекая из его тела пули.

— Пол, везучий ты сукин сын! Чуть левее на два миллиметра — и ты бы так легко не отделался!

Пол, слушая их, криво улыбался, чувствуя, как по спине ползёт липкий холодок — не от боли, а от внезапной ясности: он столько раз балансировал на грани, что, наверное, у самого Господа при виде него дёргался глаз.

Когда-то Пол служил в морской пехоте и уйдя в отставку, он, для своих лет, всё ещё держался отлично: тело оставалось крепким, ум — ясным, никаких тревожных симптомов не было и в помине. Казалось, годы не властны над ним. Всё было хорошо, по крайней мере, до этого дня.

На этот раз томограмма показала отклонения в височных долях — в тех самых зонах мозга, что отвечают за память. На снимке проступали отчётливые, тревожные изменения: плотность тканей выглядела неестественно, словно сама материя мозга начала предательски меняться. Эти тёмные, размытые пятна на снимке казались Полу чем-то зловещим — будто первые трещины на льду, под которым таилась бездонная пропасть.

— Картина неоднозначная, — произнёс осторожно Джеймс Картер, как можно мягче подбирая слова. — Изменения в височных долях... они могут быть сосудистого характера, но есть нюансы, которые заставляют меня беспокоиться. Распределение гипотензивных участков и... лёгкая асимметрия — всё это укладывается в паттерн ранних нейродегенеративных изменений... Не факт, что это болезнь Альцгеймера, но исключать её нельзя. И чем раньше мы поймём, с чем имеем дело, тем больше у нас будет возможностей повлиять на ход процесса.

Майкл, который сидел рядом с Полом, тут же спросил:

— Что нужно сделать?

— Нужно углублённое обследование, — ответил Картер, делая пометки в карте Пола. — Когнитивные тесты, анализы, всё, что поможет прояснить картину.

Пол, естественно, ворчал, но всё же уступил. Если бы он знал, к чему это приведёт... Но тогда они оба верили, что просто закрывают очередную потенциальную угрозу. Однако всё обернулось совсем не так, как они себе представляли. В следующий раз, когда они пришли на прием, их надежды испарились, как пар из чайника.

— Увы, мои самые худшие опасения подтвердились, — осторожно произнёс врач, глядя поверх очков на Майкла и старательно избегая взгляда Пола. В его голосе сквозило неподдельное сочувствие и тревога.

— Что вы имеете в виду? — спросил Майкл.

— У Пола... болезнь Альцгеймера, — тихо проговорил врач. Его голос дрогнул, он на мгновение опустил взгляд и добавил чуть слышно: — И, боюсь, на этой стадии мы уже мало чем сможем ему помочь.

В голове Пола эхом отдавались слова: «болезнь Альцгеймера». Каждое из них било точно в цель — его сердце и душу. Он знал, что это означает: болезнь уже в мозге, она атакует лобные и височные доли. Скоро придут симптомы — сначала едва заметные: странности в поведении, запинки в речи. Потом — хуже: он перестанет узнавать родных, его личность начнёт рассыпаться, как песок сквозь пальцы. Когнитивные функции угаснут. Диагноз был не просто медицинской записью — это был отсчёт того времени, что ему оставалось. Он висел над Полом Кейном, как занесённый клинок: оттянуть удар можно, но избежать — никогда. Врач назначил курс лечения, хотя оба понимали: это бессмысленно: таблетки не остановят неизбежное, они лишь оттянут финал.

Пол невесело улыбнулся и похлопав внука по плечу направился к двери. Майкл, молча, последовал за ним. Оба сели в машину, Пол, как всегда, за руль и, вернувшись домой, занялись привычными делами, но теперь Майкл избегал смотреть в глаза деда. Не мог заставить себя произнести вслух то, что знал теперь наверняка. Он закрыл дверь своей комнаты, прислонился

к ней спиной и застыл. В груди что-то сжалось, будто кто-то собирался вырвать его сердце безжалостной рукой.

Он мысленно представил лицо деда — твёрдые черты, армейская стрижка, взгляд, в котором всегда читалась спокойная уверенность. Дед был человеком, знавшим цену обстоятельствам. Он прошёл нелегкий путь, на котором не раз терял близких, но не сломался и учил Майкла не сгибаться под ударами судьбы, а встречать их лицом к лицу. Пол Кейн умел находить выход там, где другие видели только тупик. И теперь, когда он оказался перед лицом неизбежного, его сила духа оставалась неизменной.

Майкл посмотрел на свои руки — они дрожали. Впервые в жизни.

Сейчас он просто не знал, что делать. Замер на месте, будто упёрся в невидимую стену.

Бороться за жизнь деда? Но что он может? Деньги, связи, влияние — ничто не поможет против болезни, которая уже поставила на Поле Кейне свою печать.

Всё что он мог, это сделать так, чтобы последние месяцы деда стали не борьбой с отчаянием, а временем, наполненным смыслом. Чтобы каждый день, каждая минута, каждый взгляд и слово — запомнились навсегда. Майкл, сжал кулаки и дрожь в руках утихла.

Спустя два дня они с дедом сидели в «The Old Bell Tavern» — в одном из старейших пабов Лондона, возведённом ещё в 1670 году. Здесь дед прежде встречался с друзьями, и за этим самым столом они не раз вспоминали дни службы, до хрипоты смеялись над старыми байками и поднимали кружки в память о тех, кто не вернулся.

Теперь же всё было иначе. Пол старался держаться как ни в чём не бывало — говорил ровным голосом, чуть усмехался, будто происходящее его не касалось. Но атмосфера в пабе переменилась: привычный уют, согретый разговорами и запахом хмеля, казался теперь хрупким, словно тонкий лёд, готовый треснуть от любого неловкого слова.

Врачи, которым Майкл звонил в отчаянной надежде, говорили мягко, но непреклонно: лучшее, что можно сделать, — отдать деда в хоспис, но он и слышать не хотел об этом.

Глядя на деда, он старался держаться непринуждённо, шутил невпопад, нарочно тянул время, разглядывал потемневшие балки под потолком, лишь бы не затрагивать неприятную тему. Но Пол сам завёл разговор.

— Майкл, я должен уехать, — голос деда звучал тихо, но при этом твёрдо, — это необходимо сделать... Скоро я и узнавать тебя перестану. Это не то, чего я хочу. Настало время нам расстаться, но ты всегда можешь приходить навещать меня.

Майкл отчаянно покачал головой, словно пытаясь отогнать наваждение.

— Нет, и ещё раз нет! Исключено.

— Майкл... — мягко осадил его дед.

— Даже не думай меня переубедить! — перебил его внук.

Пол улыбнулся — по-доброму, той самой отеческой улыбкой, которую так любил Майкл. Он прекрасно знал своего внука и понимал: если Майкл решил — всё, он не отступит. Но были обстоятельства, которые диктовали им обоим другое решение — болезненное, но необходимое, словно горький, но целебный настой.

— Майкл, послушай, — не унимался Пол. — Ты же не сможешь быть словно нянька все двадцать четыре часа со мной. Никто не сможет, ни одна даже самая преданная сиделка не сможет. А если мне будет нужна помощь? Ты же будешь страдать от одной мысли, что что-то может случиться, а ты не сможешь помочь. Не сможешь сосредоточиться на работе. В результате допустишь ошибки, и как знать, чем всё обернётся? Думаю, в глубине души ты уже знаешь ответ. Правильный ответ. Надо только принять его.

— Но... — попытался возразить Майкл.

— Никаких «но», — перебил его мягко Пол. — Есть вещи, которые должны случиться, хочешь ты того или нет, как осень приходит после лета, — неизбежно и неотвратимо.

Майкл кивнул. Это он и сам понимал. Туман на его дороге постепенно начал рассеиваться, открывая путь, который он так боялся увидеть.

— Обещай, что не будешь ворчать, если я каждый день буду приходить... — прошептал он, и голос его дрогнул, как ветка под тяжестью первого снега.

— Не стоит, Майкл, этого делать, — ответил Пол. — Тебе надо привыкать к тому, что все в своё время уходят. Время неумолимо, но не для того, чтобы нас наказать, а чтобы показать: перемены неизбежны, как смена дня и ночи. Оно учит нас отпускать, чтобы освободить место для нового.

— Но я не смогу без тебя... — голос Майкла сорвался.

— Сможешь, Майкл. Поверь мне — сможешь, — дед положил свою руку поверх его. — Обстоятельства не ломают нас — они лишь обнажают то, что уже было внутри. Ты не камень, а человек из крови и плоти. Страдать — это нормально, это присуще человеку. Только не привыкай к этому. День, два — и хватит. Боль подобна приливам и отливам: она приходит и уходит, оставляя после себя очищенный берег.

Майклу было двадцать три. Он учился на пилота — и в самом этом слове, казалось, звучал свист ветра, высоты и свободы. Юноша обожал парашютный спорт и регулярно ходил с Полом в тир. Там Майкл редко промахивался и всё же, несмотря на меткость, за Полом он пока не поспевал. Да, он вырастил настоящего мужчину — такого, за которого никогда не будет стыдно ни перед людьми, ни перед собственной совестью. Уголки его губ тронула тёплая улыбка, и он дружески, чуть твёрже, чем обычно, похлопал Майкла по плечу.

А Майкл... В отличие от деда, он чувствовал лишь тяжесть, что сковывала изнутри. Чашка горячего кофе почти остыла, он по-прежнему сжимал её в руке, не сделав и глотка. Его душа горела в пламени, что пожирало его изнутри, оставляя после себя лишь холодный пепел там, где прежде билось сердце.

Глава 3 Трудное решение.

Выбор — это не столько про то, что ты берёшь, сколько про то, от чего навсегда отказываешься.

Вернувшись домой, Пол неторопливо опустился в кресло, развернул в руках купленную по пути газету и привычно погрузился в чтение. Майкл невольно залюбовался его спокойствием — таким глубоким и основательным, будто ничто на свете не могло вывести деда из равновесия или хотя бы заставить вздрогнуть.

Даже то, как он читал, внушало уважение и лёгкую зависть. Пол Кейн не пользовался очками: его взгляд уверенно скользил по мелким строчкам, а листы газеты не дрожали в руках — они словно застыли в воздухе, зажатые в тисках твёрдой, уверенной хватки деда. В этом было что-то почти символическое: человек, который не подвластен времени.

Майкл отошёл к столу и принялся разбирать почту. Счета, рекламные проспекты, брошюры — всё это привычно шуршало под пальцами, пока взгляд не зацепился за нечто необычное: белый конверт с золотым тиснением.

Он замер на мгновение, ощутив странное волнение. Конверт казался чужим среди привычной стопки бумаг — как драгоценный камень среди гальки. Майкл осторожно поддел край ножом и вскрыл его. Внутри лежал пластиковый, как банковская карта, золотого цвета лист — приглашение, адресованное Полу Кейну:

«Дорогой друг! Мы выбрали Вас для проведения полного обследования и комплексного лечения в отеле-клинике «Парадиз». Будьте дома завтра в 10 утра» .

Майкл перечитал ещё раз — медленно, будто пытаясь уловить скрытый смысл. «Выбрали Вас...» — звучало так, будто это не просто предложение, а знак судьбы. Или испытание?

Он поднял глаза на деда, который всё так же спокойно читал газету, не подозревая о том, что таилось в этом загадочном конверте.

Майкл на миг растерялся. Он стоял, сжимая в руках приглашение, и не знал, что сказать. Взгляд его метался между сточками и дедом. Наконец он решился.

— Дед... — голос Майкла прозвучал чуть хрипло. — Посмотри на это.

Пол Кейн поднял глаза, отложил газету и взял приглашение. Его брови слегка приподнялись, когда он прочёл текст. Несколько долгих секунд он молчал, внимательно изучая конверт.

— «Рай» ... — медленно произнёс он, словно пробуя слово на вкус. — Так быстро? Впрочем, звучит... многообещающе.

— Я сейчас проверю, может это какая-то ошибка, — Майкл схватил телефон и быстро набрал в поисковике: «отель-клиника „Рай“».

Никаких результатов. Ни сайтов, ни отзывов, ни упоминаний — словно клиники никогда не существовало. Майкл попробовал разные варианты запроса и всё безрезультатно.

— Ничего, — озадаченно произнёс он. — Совсем ничего. Как будто её нет.

Дед задумчиво покрутил приглашение в руках, и пластик, из которого оно было выполнено, мягко перетекал из одного оттенка в другой — словно в его толще застыли тонкие струйки расплавленного золота. При повороте под другим углом в нем проступали едва заметные перламутровые разводы, будто по золоту пробежала лёгкая тень. По краю шла тонкая гравировка: замысловатый узор, напоминающий старинные виньетки, но выполненный с такой чёткостью, что казалось — его наносили лазером. В местах углублений гравировки золото становилось чуть темнее, создавая эффект объёма, будто орнамент парил над поверхностью. В каждой линии, в каждой смене оттенка чувствовалась, что перед тобой штучное изделие, где продумана была даже тень на изгибе.

— Странно... Очень странно, — произнес Пол. — Приглашение выглядит солидно — образец нанотехнологий и изысканного вкуса. Не думаю, что это розыгрыш.

— Может, это какая-то закрытая клиника? Типа для избранных? — предположил Майкл. — Возможно новая — ещё не успели создать сайт?

— Да, — согласился Пол. — Вполне возможно... Однако отсутствие информации настораживает.

Они переглянулись, и в этом взгляде читалось общее недоумение. Майкл подошёл к окну, глядя на улицу, где жизнь шла своим чередом — люди спешили по делам, дети играли в парке, солнце пробивалось сквозь облака. Всё выглядело привычно и предсказуемо.

— Что будем делать? — спросил Майкл. — Откажемся сразу или попробуем разузнать побольше?

Пол откинулся на спинку кресла, задумчиво поглаживая подбородок:

— Отказаться мы всегда успеем. Давай попробуем узнать больше. Позвони по номеру, указанному на приглашении.

Майкл перевернул бланк — в самом низу, мелким шрифтом, действительно был указан семизначный номер. Он тут же набрал его, но ему никто не ответил.

— Тишина, — он опустил телефон, чувствуя, как внутри нарастает странное беспокойство.

— Может, заняты, — покачал головой дед. — Попробуй в другой раз... — Он сделал паузу, задумчиво глядя на внука. — Если ответят, узнай, что сможешь. Не стоит отказываться сразу, не разобравшись. Это неразумно. Впрочем, завтра все станет ясно.

— Ладно, — согласился Майкл. — Интересно, откуда они узнали наш адрес и про тебя?

Пол посмотрел внуку прямо в глаза.

— Не стоит гадать — завтра все и узнаем...

Он снова взялся за изучение газетных строк. Майкл сглотнул. Приглашение в его руках вдруг стало казаться тяжёлым, словно отлитым из свинца.

— Если это правда, ты согласен принять их предложение? — спросил он.

Дед помолчал, обдумывая ответ.

— Давай поступим так, — наконец произнёс он равнодушным тоном. — Завтра утром я буду готов. Ты останешься рядом. Если приедут — мы выслушаем их предложение. Мы будем задавать вопросы. Много вопросов. И пока не получим на них честных ответов — ни о каком согласии речи быть не может.

Майкл кивнул. Это его вполне устраивало. Он аккуратно засунул приглашение обратно в конверт и убрал его в ящик стола деда.

Завтрашний день обещал стать поворотным.

В назначенное время к их дому подъехал роскошный, черного цвета Кадиллак — элегантный седан с тонированными стёклами, будто сошедший с обложки лондонского журнала «Model Auto Revue». Из него вышла стройная девушка, ровесница Майкла, больше похожая на модель, чем на офис менеджера: безупречная осанка, плавная походка — шаги ложились на асфальт чётко без суеты, с холодной расчётливостью печатной машинки. Шаг за шагом она приближалась к дому Пола с той же беспощадной точностью, с какой клинок рассекает воздух — ничего лишнего. Секунда, и она уже у двери, где в ожидании застыл Майкл.

— Кира Беннетт, менеджер отеля «Рай», — представилась она, умудряясь при маленьком росте смотреть на Майкла сверху вниз, как на досадную помеху. — А ты, очевидно, Майкл, внук Пола Кейна.

— В точку, — отозвался Майкл.

В её взгляде он увидел вызов, смесь любопытства и едва уловимой насмешки, словно та заранее знала, какой эффект на окружающих она производит.

Дверь протестующе скрипнула — будто дом не решался впустить незнакомку. Майкл отступил на шаг, придерживая дверь и, кивнул — коротко, сдержанно, как подобает джентльмену в присутствии дамы. Казалось, он ждал подобного и от нее, но Кира умела удивлять.

Она не стала играть по его сценарию: она скользнула внутрь с видом хозяйки, а отнюдь не гостыи. Гостиная встретила их приглушённым светом и запахом старого дерева. Девушка огляделась не спеша, без суетливого любопытства, будто сканировала пространство, запоминая каждую деталь. Остановив свой взгляд на кресле, что стояло у окна, она села в него, демонстративно закинув ногу на ногу так, словно это место изначально было её.

Майкл не стал спрашивать, удобно ли ей? С лёгкой полуулыбкой, в которой сквозила едва уловимая ирония, он небрежно бросил:

— Что-нибудь выпьешь?

В тон ему она произнесла:

— С удовольствием. Холодный кофе с лимоном.

Майкл кивнул и повернувшись пошел на кухню, когда услышал:

— Две ложечки сахара, не больше!

— Кофе с лимоном, к тому же холодный, — тихо проворчал он, пытаясь представить экстравагантный вкус напитка. — Что ж, почему бы и нет.

Готовя кофе, он изредка бросал взгляд на Киру словно на ключ от двери, который никак не к ней не подходил. Она вызывала странные, противоречивые чувства — словно тайна, полная сюрпризов.

Пока Майкл возился на кухне, отмеряя зёрна и прислушиваясь к мерному гулу кофеварки, в комнату вошёл Пол Кейн. Он появился бесшумно, заставив Киру вздрогнуть и сразу взял ситуацию под контроль.

— Ангел, спустившийся с небес Рая, — Пол приветливо улыбнулся девушке и невольно задержал на ней взгляд.

Она выбрала место не на виду — чуть в стороне, в тени у стены. Но из этой точки открывался чёткий обзор: и на окно, и на все двери. Именно так поступил бы и он. В её манере

держаться не было суетливости — лишь холодная, выверенная собранность. Спина прямая, плечи чуть развёрнуты, будто она готова в любой миг сорваться с места — подобно пантере, замершей перед прыжком.

Длинные стройные ноги в просторных брюках были непринуждённо закинута одна на другую, и в этой расслабленной позе таилась обманчивая лёгкость и при всём этом её лицо оставалось спокойным, почти бесстрастным, будто она просто ждала, когда закипит кофе, а не держала под прицелом всю комнату.

— Итак, чем обязаны? — Пол опустился в кресло напротив девушки, скрестив руки, и посмотрел на неё прямо, без лишних церемоний. Он протянул ей чашку, которую взял у Майкла, и глянув в нее, чуть поморщился: в кофейном напитке плавал толстый ломтик лимона.

Затем снова перевел взгляд на девушку и словно спохватившись, добавил, чуть прищурившись:

— Только сразу скажу: наш бюджет сейчас такой хрупкий, что его можно разбить одним неосторожным словом.

Кира, приветливо улыбаясь, приняла чашку, даже не взглянув в ее содержимое и с той же безупречной точностью, с какой гроссмейстер безошибочно ставит мат растерянному новичку. Глядя в глаза Пола, она сделала глоток и поставила чашку на столик. Звук лёгкого соприкосновения фарфора с деревом прозвучал как выстрел в тишине ночи.

— Я Кира. Кира Беннетт, менеджер отеля «Рай», — представилась она.

Её голос, низкий и бархатистый, обволакивал, но в нём Пол отчётливо слышал хорошо знакомую сталь:

— Вам невероятно повезло, Пол. Серьёзно. Такие совпадения случаются реже, чем выигрыш в Лас-Вегасе, когда выпадает именно то число, на которое ставишь последние деньги. Это почти чудо.

Пол хмыкнул, в глазах промелькнула тень иронии:

— Чудо — это когда, родившись в бедной семье африканского бездомного, ты вдруг узнаешь, что унаследовал состояние нефтяного магната и успел просадить его за два дня на экзотических попугаев. Чудо — это если твой единственный актив до этого был дырявый ботинок, а теперь у тебя личный остров, и ты даже не помнишь, где он находится.

Она чуть приподняла бровь, принимая его игру и уголки губ дрогнули в едва заметной усмешке:

— Или чудо — это когда колесо рулетки замирает на твоём числе, и крупье смотрит на тебя так, будто ты продал душу дьяволу, но дьявол, похоже, сам не понял, как это произошло.

— А ещё чудо, — охотно подхватил Пол, откинувшись на спинку кресла, — это когда прогноз погоды на выходные сбывается.

— Да, именно, — рассмеялась она. — Но то, что случилось с вами, — это гораздо круче, Пол. Это, как если бы ты шагнул в пропасть и не разбился, а упал в объятия любимой — на мягкие перины, где даже страх превращается в предвкушение.

Пол невесело усмехнулся, теребя пуговицу на рубашки:

— Да, было бы неплохо... — мечтательно произнёс он. — Но я бы предпочел рулетку. И что? Теперь я должен решить: радоваться этому или оглядываться через плечо, ожидая, что кто-то вот-вот крикнет: «Эй, Пол, ошибка вышла, верни-ка всё назад!»

— О, не переживайте, Пол, — её улыбка стала чуть шире. — В таких делах возврата не бывает. Это всего лишь подарок судьбы. Ты либо принимаешь его, либо нет.

— Подарок судьбы? — усмехнулся Пол, скользнув взглядом по Кире, и в этой усмешке мелькнула тень дерзости. — Скорее долговая расписка, в которой все подарки прописаны мелким, едва различимым почерком.

Кира чуть нахмурилась, и в её голосе зазвенела обида:

— Я похожа на Дьявола, явившегося за вашей душой?

Пол, словно спохватившись, поспешно добавил:

— О, разумеется, нет! Как я и говорил — вы ангел, спустившийся с небес. Но... если бы Дьявол искал посланника, выбирая среди смертных, он вряд ли бы нашёл кого-то лучше.

— Сочту за комплимент.

— Так и есть, — уверил ее он.

— Лесть вам не поможет, Пол, поэтому вернемся к нашему предложению, — продолжила Кира, так, словно каждое слово стоило ей немалых денег. — Мы работаем только с эксклюзивными предложениями. Никаких шаблонов, никаких «как у всех». Только то, что действительно стоит вашего внимания. И поверьте, это не просто красивые слова — это принцип, на котором держится вся наша работа.

Она сидела прямо, спокойно, будто знала, что рано или поздно они всё равно скажут «да». Это была её работа и она ее делала отлично. Ровный, хорошо поставленный голос, словно читал заученный текст, рассказывая об индивидуальном, особом подходе к каждому клиенту, эксклюзивных программах, рассчитывая вытянуть сумму, которой у Майкла и тем более его деда точно нет.

Так и произошло — за исключением суммы: тут Майкл, мысленно подсчитывая стоимость её услуг, ошибся.

— Всё совершенно бесплатно, — добавила она в конце своей речи с улыбкой, которая могла бы растопить лёд. Но именно в толще этого льда и скрывалась зловещая загадка.

— Так в чём подвох? — изумился Майкл, переглядываясь с Полом.

— Никаких подвохов, ни подводных камней, ничего, — искренне заверила его Кира.

— Такое ещё бывает? — удивился Пол.

— Не везде, — заметила она. — Но в клинике «Рай» всё возможно. Мы полны сюрпризов.

— Вот уж не думал, что, попав в «Рай», тебя ждут сюрпризы, — не удержался Пол, слегка нахмурившись. — По-моему, там всё чётко прописано.

— Так и есть, — усмехнулась Кира. — И всё же, для вас, Пол, это будет сюрприз...

Слово «сюрприз» прозвучало чуть более зловеще, чем она хотела.

Пол Кейн скрестил на груди руки и примирительно произнес:

— Ладно, но в чём ваша выгода?

Он был не в силах избавиться от ощущения, что где-то непременно кроется подвох.

— Выгода? О, нет! — она рассмеялась. — У нас это просто особые условия, если вы про это. Те клиенты, что принимают их, — в основном обеспеченные люди, они всё оплачивают. А вы — исключение из правил. Вы — те, кому просто повезло.

— Допустим, и что дальше? — поинтересовался Майкл.

— А дальше... — Кира чуть прищурилась, и этот едва уловимый жест в глазах Пола сделал её похожей на стрелка, который поймал цель в прицел и лишь выжидает идеальный миг для выстрела.

Её взгляд скользнул по Полу, спокойный, расчётливый, не допускающий возражений. — Дальше мы заберём Пола Кейна к себе. Там он пройдёт курс экспериментального лечения. А если это не принесёт результатов... — она сделала короткую паузу, — мы обеспечим ему тихий уход.

— Уход? — Майкл насторожился. — Я правильно понимаю — это присмотр за больным, лечение, еда?..

— Не только, Майкл, — прямо заявила Кира, и её улыбка на мгновение стала чуть менее лучезарной, но не менее загадочной. — Уход, в прямом смысле слова, означает переход в мир иной.

— Боже правый! Да вы сошли с ума?! — воскликнул Майкл. — Вы что, хотите его убить?

Слова сорвались с губ Майкла прежде, чем он успел их удержать, и прозвучали не как вопрос, а как обвинение, словно убийство уже свершилось. Он уже собирался указать Кире на дверь, но дед его остановил.

— Майкл, сядь! — голос прозвучал жёстко, без намёка на просьбу, и в этой короткой фразе сквозила привычная власть, которую не принято оспаривать.

Майкл повиновался — не потому, что смирился, а потому, что спорить сейчас было бессмысленно. Он опустился на стул, чувствуя, как напряжены мышцы, будто тело само готовилось к рывку, к побегу или к схватке.

Кира снова улыбнулась.

— Я бы не стала называть это убийством, — возразила она спокойно, чуть склонив голову, будто обсуждала не чью-то жизнь, а погоду или меню.

— Тогда что это? — не удержался Майкл.

— Скорее милосердие, — ответила она. — Мы берем на себя заботу о Поле вплоть до его последнего вдоха. Разумеется, если он не против. Согласится — и получит надежду, откажется — упустит шанс.

— Мы с тобой это уже обсуждали, Майкл, — добавил дед, в его голосе не было ни раздражения, ни оправданий — лишь спокойная уверенность человека, знавшего цену каждому слову. — Всему своё время...

Кира не сводила с него глаз и, чеканя каждое слово, произнесла:

— Это значит, что вы, Пол Кейн, согласны с нашим предложением?

— Это значит, мне оно подходит, — кивнул Пол и взглянув на изумленного Майкла, добавил, — Моё решение не обсуждается.

Майкл на мгновение опустил глаза, будто искал опору, а потом снова поднял взгляд — теперь уже на Киру.

— Я ведь могу навещать его? — уточнил он.

Кира мягко улыбнулась.

— О нет, Майкл, это не предусмотрено нашими правилами, — она покачала головой.

— Но почему? В чём причина?

— Причина здесь одна — конфиденциальность наших клиентов, — пояснила Кира, слегка откинувшись на спинку кресла. Её голос звучал ровно, почти бесстрастно, но в глазах вновь мелькнуло то самое выражение — смесь снисхождения и едва уловимой насмешки. — Все они известные личности и не хотели бы, чтобы информация о их жизни попала в прессу. К тому же клиника находится не здесь... Это частная территория, вы меня понимаете?

Майкл прекрасно её понимал. Это означало только одно: для себя он похоронит деда ещё до того, как тот умрёт. Мысль вызвала волну бессильного гнева.

Он посмотрел на деда. Тот сидел словно изваяние — прямой, спокойный, с выражением почти философского спокойствия на лице, будто уже принял всё происходящее как неизбежность. Ни тени тревоги, ни намёка на страх — только тихое достоинство и готовность встретить любой поворот судьбы.

— Не пойдет, — твёрдо заявил Майкл, даже не пытаясь смягчить тон.

— Что ж, — произнесла Кира, чуть склонив голову набок. — Вижу, у нас проблемы, Пол?

— Никаких проблем, мэм, — заверил тот. — Я готов и буду рад составить вам компанию прямо сейчас.

Она сделала небольшую паузу, давая словам осесть в сознании Майкла, и продолжила:

— Майкл, и вы, Пол, помните: это всего лишь услуга, за которую вы не платите и которая не гарантирована.

— Так и знал, что есть мелкий шрифт, — кивнул Пол, — Что ж, принято, договор составлен, осталось расписаться кровью.

Кира наклонилась чуть вперёд, и её голос стал тише, почти доверительным:

— О я бы не возражала, Пол, но вашего согласия мне вполне достаточно. — и теперь уже взглянув на Майкла, добавила, — Так у Пола будет шанс.

На это было трудно возразить. Он скосил взгляд на деда — на его спокойное, чуть усталое лицо и на мгновение гнев Майкла утих — он понял, что ничего уже не изменит. Дед имеет право на этот шанс, пусть призрачный, но шанс. Это лучше, чем ничего.

Пол словно прочитал его мысли.

— Он согласен, Кира. Делай своё дело, но не рассчитывай на благодарность Майкла, — произнёс он, мягко улыбаясь краем губ. — Думаю, пары звонков по телефону нам с внуком вполне хватит, — продолжил он, бросив тёплый взгляд на застывшего Майкла. — За те годы, что мы провели с ним вместе, уже нет тех слов, которые бы мы не успели сказать друг другу.

Кира выпрямилась в кресле, словно в знак признания внутренней силы Пола и произнесла с оттенком сдержанного восхищения:

— Вы удивительный человек, Пол Кейн. Нечасто встречаешь такую ясность ума и душевную стойкость.

В этот момент Майкл понял, что спорить дальше бессмысленно: решение принято, и оно исходит из глубины души человека, который всю жизнь учил его достоинству и мужеству.

— Хорошо, — глухо с усилием произнёс Майкл. — Если это твой выбор... Я его приму. Но...

Пол мягко положил руку на плечо внука.

— Никаких «но», — тихо, но непреклонно сказал он. — Всё будет так, как должно быть, Майкл. Просто доверься мне. Не успеешь оглянуться, как я вернусь. Попью их минеральной воды, приму грязевые ванны, никакого спиртного — обещаю. Если твоё лечение оплачивают богачи, то почему бы и нет?

Он улыбнулся и от этой улыбки у Майкла заныло в груди.

Он верил каждому слову деда, потому что Пол Кейн никогда не врал. Ни в мелочах, ни в самом главном. Если он сказал: «Я вернусь», — значит, так и будет. И этой веры сейчас было достаточно, чтобы удержать на плаву и себя, и всё, что грозило рассыпаться в прах.

Кира молча наблюдала за этой сценой и впервые за весь разговор её профессиональная маска дала трещину — на мгновение в глазах промелькнула тень искреннего сопереживания. Она достала блокнот, сделала пометку и тихо произнесла:

— Я обеспечу вам пару звонков.

Глава 4 Принятие неизбежного.

Мир не подстраивается под наши желания: он позволяет нам лишь выбрать, как мы встретим то, что всё равно произойдёт.

На следующее утро Майкл проснулся раньше обычного. Он резко сел на кровати и тут же понял: дом пуст.

Майкл замер, прислушиваясь, ловя малейший звук, который мог бы опровергнуть эту пугающую очевидность. Он ждал услышать знакомый храп из соседней комнаты — тот самый, что годами служил для него своеобразным маяком, знаком, что всё в порядке, что жизнь продолжается. Но ответом ему была тишина — чистая, звенящая, непривычная. Она проникала под кожу, заставляя сердце биться чуть быстрее.

Медленно, будто каждое движение требовало усилий, Майкл поднялся и прошёл по коридору к комнате деда. Дверь была приоткрыта, и он остановился на пороге, не решаясь войти сразу, словно боялся нарушить что-то хрупкое. Потом всё же переступил порог и остановился у кровати.

Она была идеально заправлена — ровные углы, ни единой складки на покрывале. Армейская привычка Пола Кейна, въевшаяся в него за годы службы. Майкл провёл ладонью по глад-

кой ткани, будто надеялся уловить хотя бы слабый отголосок тепла, но ткань была прохладной и безжизненной.

Эта безупречная аккуратность казалась сейчас почти жестокой: она не оставляла места сомнениям. Пол ушёл. Не просто вышел на минутку, не отправился на утреннюю прогулку — он ушёл, оставив после себя эту проклятую тишину и безупречно заправленную кровать, словно хотел сказать: «Я всё сделал как надо. Теперь твоя очередь».

Майкл стоял посреди комнаты и пытался унять ту странную пустоту, которая разрасталась внутри с каждой секундой. Дом всё ещё хранил запах деда — лёгкий аромат мужского парфюма и чего-то неуловимо родного, но самого Пола здесь уже не было. И от этого Майклу становилось ещё тяжелее, словно он пытался сохранить те воспоминания, которые пока ещё цеплялись за углы и полки, за каждую вещь в этом доме.

Упрямый дед не давал себе поблажек ни в чём: будь то заправка кровати или принятие судьбоносного решения. Он всегда поступал так, как привык, — ни больше ни меньше.

Теперь его нет, не буквально, но все же...

Взгляд Майкла скользнул по стене и остановился на фотографии деда. Рядом с фото на специальных крючках висел черный берет, аккуратно отглаженный, с эмблемой подразделения морской пехоты. Под беретом на бархатной подложке располагались медали — свидетельства мужества, выдержки и долга. Пол никогда не рассказывал о том, за что именно были эти награды. Он вообще старался не говорить о себе.

Майкл подошёл ближе и медленно переводя взгляд с одной награды на другую осторожно провёл пальцем по холодному металлу одной из них, словно пытаясь уловить отголосок той жизни, которой он никогда не узнает. Дом казался слишком большим и слишком тихим — и впервые за долгие годы Майкл почувствовал себя по-настоящему одиноким.

На тумбочке деда Майкл нашёл фотографии своих родителей — Тома и Николь Кейн. Снимки будто светились в утреннем луче, пробившемся сквозь занавески: молодые, счастливые, они смеялись, обнявшись на фоне морского побережья. Майкл замер, сжимая в руке фотографию, — сейчас, когда дед вот-вот покинет его, он как никогда нуждался в их поддержке. Но их нет. Как скоро не станет и самого деда.

Авиакатастрофа, унёсшая жизни родителей, оставила не просто память — она выжгла глубокий шрам на сердце. И если воспоминания постепенно стирались (в конце концов, ему было всего семь лет, когда всё произошло), то шрам не зарастал. Он пульсировал при каждом воспоминании, постоянно напоминая о том, чего Майкл лишился: о тёплых объятиях матери, о наставлениях отца, о совместных выходных, о планах, которым не суждено было сбыться.

В колледже сверстники гордились своими родителями — успешными бизнесменами, знаменитыми адвокатами, влиятельными политиками. Они показывали фотографии с семейных торжеств, хвастались особняками и последними моделями автомобилей. Майкл же молчал. Ему нечем было гордиться — разве что дедом.

Пол Кейн вёл обычный образ жизни: законопослушный джентльмен с добрососедскими привычками, он невольно внушал окружающим чувство надёжности и покоя. Однако была и другая сторона жизни Пола. Та, о которой его внук, Майкл, даже не подозревал. И хотя Пол не был богатым и успешным в общепринятом смысле, денег у него всегда хватало. Иногда они выбирались на отдых в Европу — но это были редкие исключения. Гораздо чаще Пол путешествовал один, поскольку Майкл не особо любил такой отдых - их маршруты постоянно вели к безлюдным лесным тропам.

Объяснялось это тем, что Пол был заядлым охотником, знающим лес как свои пять пальцев. Он настойчиво пытался передать внуку все свои навыки: как читать следы, как ориентироваться по звёздам, как ставить ловушки, как обращаться с оружием. Включая главное — умение убивать животных.

Именно «убивать», потому что Майкл иначе не мог это назвать.

— Но ты же ешь мясо, — настаивал Пол, глядя на внука твёрдым взглядом. — А для этого, кто-то из них должен умереть. Природа устроена так: жизнь одного поддерживает жизнь другого. Это не жестокость — это баланс.

Майклу не нравился такой баланс, но еще больше он не любил сам процесс охоты: часами сидеть неподвижно, сливаясь с тенью, и ждать — это изматывало до глубины души. К тому же мысль о том, чтобы прицелиться в живое существо и нажать на спусковой крючок, вызывала в нём внутренний протест, ощущение какой-то фундаментальной несправедливости. Но он любил деда — его грубоватую заботу, его молчаливую поддержку, его умение рассказывать истории у костра так, что мороз шёл по коже. И он любил мясо, которое готовил дед: сочное, ароматное, с дымком, приправленное травами, собранными в лесу.

Они никогда не спорили, не выясняли отношений. Просто молчаливо принимали правила этой странной гармонии: дед добывал, Майкл ел. И в этом негласном договоре было что-то большее, чем просто разделение ролей — в нём таилась целая философия жизни, которую Майкл пока не был готов принять, но уже начинал понемногу понимать.

Он снова посмотрел на фотографию родителей, затем — на армейский берет и медали деда на стене. В груди нарастала тяжесть: скоро не останется ничего кроме этих воспоминаний...

Глава 5 Новые знакомства.

Каждое новое знакомство — это трещина в стене привычного мира: сквозь неё врывается чужой ветер, и ты уже не можешь быть прежним

Весь путь от дома, где остался Майкл, до отеля с его многообещающим названием «Рай» и неизменно приветливым швейцаром занял не больше суток, оказавшись к удивлению самого Пола, скорее приятной прогулкой, чем тягостным ожиданием неизбежного. Он привык к путешествиям, и большинство из них проходили в куда более суровых, почти экстремальных условиях: тряска в грузовиках по разбитым дорогам, ночёвки в продуваемых ветром палатках, скудный паёк и вечный гул ветра в ушах.

Отель «Рай» раскинулся на острове, словно воплощённая легенда о потерянном Эдеме — отголоске утраченного блаженства.

Подлетая на вертолете к острову, Кира попросила пилота сделать пару кругов над ним и глядя на Пола, произнесла:

— Смотри, Пол, — голос Киры звучал почти благоговейно, будто она открывала врата в иной мир. — Это не просто остров. Это место, где оживают надежды. Здесь не прячутся от судьбы — здесь пишут её заново. И сегодня здесь начнется твоя история.

Пол смотрел в иллюминатор и готов был согласиться с каждым ее словом. Белоснежные стены корпусов напоминали раскинувшиеся крылья ангелов, застывшие в полёте: чистые, строгие, полные силы. Терракотовая черепица на крышах, дорожки, вымощенные гладким камнем, фонтаны воды, чьи струи рвались к небу, все это словно обещало каждому, кто войдет сюда, покой и прощение всех, если не уж грехов, то хотя бы тревог.

Пляж тянулся широкой полосой, песок здесь был не просто белым — он мерцал золотыми бликами, словно в нём затаились крошечные искры света. Уединённые бунгало на сваях стояли вдоль пляжа над водой и каждое имело собственную террасу, спускающуюся прямо к морю, и полупрозрачные шторы, которые колыхались от ветра, словно лёгкие крылья. Казалось, что в этих домиках время теряло свою власть: минуты растягивались, а заботы сжимались до размера песчинки и исчезали в прибое.

Главный павильон отеля возвышался в центре, подобно храму, чьи высокие своды и открытые арки были устроены так, чтобы ветер свободно гулял внутри, принося с собой свежесть океана и шёпот далёких звёзд.

По вечерам остров преображался. Вдоль дорожек загорались факелы их пламя трепетало, как живое, и отбрасывало причудливые блики света, в которых, казалось, можно было разглядеть тени забытых снов. Над водой то и дело вспыхивали гирлянды крошечных огоньков, отражаясь в волнах дрожащими золотыми дорожками — словно сама вечность протягивала руку, чтобы провести гостя по пути к покою. Где-то неподалёку тихо играл рояль, и его мелодия, подхваченная ветром, плыла над островом, как благословение.

Для гостей здесь не существовало мелочей, ибо каждая деталь была частью большого замысла. Полотенца с вышитым вензелем отеля: двух перекрещенных ключей на фоне врат Рая, были мягкими, как прикосновение утреннего ветра. Бокалы подбирали так, чтобы их звон источал сонмы божественных звуков небесных колоколов. Даже воздух здесь казался иным — чистым, прозрачным, наполненным обещанием: здесь, наконец, можно забыть обо всём, что тяготило, и задуматься о самом главном, вечном.

И если верить легенде, которую шепчут между собой старожилы острова, отель «Рай» — это не просто место на карте. Это крошечная, едва приметная дверь в тот самый первозданный сад, где боги, преисполненные вдохновения и любви, создали свой величайший шедевр — Адама и Еву. И этим, пожалуй, сказано всё.

Когда Пол прошёл через величественное фойе отеля, украшенное античными статуями и картинами сцен из библейских легенд, по залу прокатился шёпот голосов — лёгкий, едва уловимый, похожий на шорох опавших осенних листьев под дуновением ветра.

Мускулистая фигура мужчины притягивала взгляды, и атмосфера в зале будто слегка дрогнула, подстраиваясь под его шаг. В нём не было ни показной бравады, ни нарочитой небрежности — лишь спокойная уверенность человека, привыкшего держать ситуацию под контролем. Его осанка выдавала военную выправку, а в твёрдом, чуть прищуренном взгляде читалась длинная история, полная испытаний.

Женская половина публики не скрывала восхищения: они буквально пожирали его взглядами, словно перед ними предстал сам Геракл из старинных легенд.

Шорох сплетен и домыслов, вкрадчивый, словно змея, пополз по стенам и сводам отеля, обвивая колонны, просачиваясь в щели между мраморными плитами, цепляясь за тяжёлые бархатные портьеры. Он скользил по коридорам, таясь в полутени арок, шептал из укромных уголков — неуловимый, но вездесущий. И стоило кому-то понизить голос, как этот шёпот тут же подхватывал обрывок фразы, раздувал его, искажал, пускал гулять по этажам, пока из крохотной искры не разгоралось пламя пересудов, затмевающее даже сияние люстр под высокими сводами.

Мужчины же вели себя чуть сдержаннее: не торопились с выводами, скептически присматривались, оценивали, гадая, кто он. В их взглядах читался не столько интерес, сколько осторожное любопытство — словно каждый пытался разгадать, какая история прячется за этой невозмутимой внешностью.

Две дамы, при виде Пола, замерли у мраморной колонны — и тут же склонились друг к другу. Их шёпот звенел, как натянутая струна: слишком напряжённый, чтобы оставаться тайной.

— Этот — мой! Николь, даже думать о нём не смей! — прошипела первая, тоном, привыкшим диктовать условия и получать желаемое.

Её взгляд, острый и цепкий, будто абордажные крючья, намертво впился в Пола, стоявшего у стойки регистрации.

Николь фыркнула чуть более выразительно, чем следовало и мужчины, стоявшие рядом, невольно вздрогнули.

— Вот ещё! Ты сегодня в зеркало смотрела? — она приподняла бровь, и в этом жесте было столько иронии, что хватило бы на десяток светских раутов. — Мишель, дорогая, я даже стараться не стану. Он же не слепой.

Первая дама побледнела — ровно настолько, чтобы это выглядело эффектно, но не жалко.

Ее подбородок слегка поднялся вверх, затем ещё чуть-чуть и теперь, глядя с высоты на свою подругу, теперь уже соперницу, Мишель промолвила:

— Николь, я тебя предупредила!

— Говоришь так, будто уже мысленно примеряешь обручальное кольцо! — Николь закатила глаза. — Это не предупреждение, это объявление войны! А я не люблю проигрывать.

Рядом стоявшая пара гостей переглянулась.

А дамы уже снова склонились друг к другу — теперь уже не для угроз, а для расчёта стратегии. В их глазах плясали искры азарта, а в воздухе витал дух негласного пари и желание во чтобы то не стало быть первой.

Пол, наконец, получил из рук портье ключи от виллы в небольшой резной шкатулке из тёмного дерева, инкрустированной перламутром — словно древний ларец с сокровищами. Портье, безупречно сдержанный в своём строгом костюме, протянул её с едва заметным поклоном:

— Вилла «Эдем», сэр. Поздравляю — безупречный выбор. Всё готово к вашему прибытию. Желаю отличного отдыха в «Раю»!

— Что ж, благодарю, — отозвался Пол, всё ещё находясь под впечатлением от увиденного.

Но тут в его кармане раздался мелодичный звук телефонного звонка. Присутствующие разом уставились на Пола, округлив глаза, словно перед ними совершалось некое святотатство. Пол тут же достал телефон и непринуждённо ответил:

— Майк? Рад слышать тебя! Как ты?

— Я нормально. А ты как? Как твой отпуск в раю? — поинтересовался тот.

— Для первого дня идеально, — вздохнул Пол, обводя взглядом фойе отеля, где на него были устремлены настороженные взоры гостей. — Птички поют, облака — как взбитые сливки, пейзаж — хоть сейчас на открытку.

Он, скользнув взглядом по портье, который отчаянно жестикулировал перед его лицом, размахивая руками в белоснежных перчатках.

— Ладно, Майкл, поговорим в следующий раз.

— Договорились, только не пропадай.

— Принято, Майкл. Отбой.

— Отбой...

Портье с умоляющим видом смотрел Полу прямо в глаза и произнёс тоном, не терпящим возражений:

— Сэр, звонки у нас запрещены.

— Ладно, — нехотя согласился Пол и убрал телефон обратно в карман брюк.

— О нет, не туда! — запричитал портье, всплеснув руками, и торопливо протянул Полу пустое ведёрко из-под шампанского. — Вот сюда, пожалуйста!

Пол огляделся. Взгляды присутствующих, рассеянные по залу, вдруг стянулись в одну точку — на него. В них не было злорадства, но было нечто куда более неумолимое: спокойное, почти ритуальное согласие с требованием портье. Они смотрели так, словно Пол совершил преступление, и теперь наступила расплата.

Тишина повисла в воздухе, подчёркивая неизбежность момента. Ему ничего не оставалось, кроме как подчиниться: он молча вынул телефон и опустил его в ведёрко. Лёгкий

металлический стук прозвучал неожиданно громко — словно поворот ключа, запечатывающего дверь между двумя мирами.

— Премного благодарен, сэр! — выдохнул «страж порядка» и поспешно спрятал «улику» под стойку.

Пол переключил все внимание на шкатулку. Внутри лежали два ключа из чистого золота на тонкой цепочке из белого золота: тяжёлые, холодные, с вычурной гравировкой, похожей на переплетение солнечных лучей. В тот миг они и правда казались ключами от Рая.

У входа в отель его ждал мини-шаттл с яркой надписью «В Рай без пересадок!». Когда машина свернула на извилистую подъездную дорогу, обрамлённую стройными кипарисами, Пол впервые за долгое время забыл, как сжимается грудь от каждого вдоха, как тикают часы в его голове, отсчитывая отпущенное ему время. Всё это осталось где-то позади, за пределами этой узкой дороги, где воздух пах солью, нагретой хвоей и чем-то почти забытым — беззаботностью.

Вилла открылась перед ним внезапно, словно была неотъемлемой частью пейзажа: двухэтажный дом из белого камня, окруженный витой оградой из вьющихся цветов и теней. Панорамные окна ловили закатное солнце и отражали его, превращая фасад в мерцающее полотно сюрреалистичной картины. Две террасы, увитые бугенвиллеей, спускались к морю, словно ступени, ведущие прямо в бирюзовую гладь.

Взгляд Пола привлекли два бассейна — один у фасада, вытянутый, как зеркало, в котором дрожали отражения пальм, другой — на нижнем уровне, ближе к пляжу, с плавным переходом в каскад водопадов. Между ними тянулась галерея с колоннами, увитая виноградом, а в тени, на кованых скамейках, стояли вазы с пионами, чей аромат плыл по воздуху, смешиваясь с морским бризом.

Внутри вилла дышала покоем и роскошью, лишённой показной тяжести: высокие потолки с лепниной, но без излишеств; полы из полированного мрамора, по которым хотелось ступать босиком; мебель из ротанга и мягкой кожи, будто созданная для того, чтобы в ней раствориться. В гостиной стоял рояль, крышка которого была чуть приподнята, словно кто-то только что играл и вышел на минуту. На столе стояла ваза с экзотическими фруктами. А неподалёку, на изящном фарфоровом блюде, лежал тёмный шоколад «Amedei Porcelana» — редкий, почти мифический сорт, считавшийся среди гурманов эталоном совершенства. Он лежал, чуть поблёскивая, словно кожа, согретая солнцем. Его гладкая, тёмная поверхность напоминала соблазнительный изгиб тела мулатки — такой же манящий, исполненный скрытой страсти, будто в самой текстуре шоколада застыл ритм южных ночей.

Картина походила на застывший натюрморт в ожидании художника. Дополняло картину ведёрко со льдом, в котором уютно устроилась бутылка «Dom Pérignon» — легендарного шампанского, доступного лишь избранным. Его стекло, среди отсветов хрустальных подвесок люстры, ловило одобряющий взгляд Пола и мерцало, как застывшая капля утренней росы.

Пол улыбнулся, повертел в пальцах ключи, и в этом жесте было что-то почти мальчишеское — радость от обладания чудом. Да, да — определённо чудом! Впереди его ждала роскошная жизнь. И это не удивительно — ведь он был в Раю!

Пробка шампанского с лёгким хлопком устремилась к потолку, а пена, вскипая в бокале, расцветала мириадами искр — точно праздничный салют над городом.

Пол поднёс его к губам и сделал первый глоток. Пузырьки ласково коснулись нёба, раскрывая сложный, благородный букет — и время будто замерло, завидуя Полу.

— Божественно... — только и смог произнести он, смакуя послевкусие на языке, которое хочется удержать навсегда.

Затем он взял крупную, налитую соком виноградину, надкусил — и сладость ягод мягко переплелась с тонкими нотами напитка. На мгновение прикрыв глаза, он выдохнул едва слышно, роняя слова сквозь усмешку бывалого морского волка:

— *«Пусть шторм ревет и небо рвётся в клочья,*

А здесь — покой, вино и тихий свет.

Я этот миг возьму себе, и точка:

Дороже злата он мне, женицин и монет!»

Он хмыкнул, качнул бокалом, и пузырьки в нём закружились, словно брызги пены у борта корабля, идущего сквозь бурю к далёкому берегу. Пол вдруг почувствовал себя не просто гостем пусть и роскошного отеля, а бывалым капитаном, что наконец бросил якорь в тихой гавани — и готов был хранить этот миг как самую ценную добычу.

Он чуть улыбнулся тому, что вспомнил эти строки — то ли из какого-то старинного сборника, то ли они родились прямо здесь, в этой гостиной, среди отблесков заката и тишины, нарушаемой лишь тихим шипением пузырьков в бокале.

Когда бутылка опустела, ему показалось, что в эту минуту весь мир стал чуточку прекраснее и Пол охотно рухнул на огромную кровать — та приняла его, словно облако, сотканное из шёлка и тишины. Матрас мягко прогнулся, обволакивая тело, и мир тут же начал расплываться по краям, теряя чёткие очертания. Он блаженно закрыл глаза, и сон накрыл его, как тёплая волна накрывает прибрежный песок, стирая следы усталости, тревоги, всех тех тяжёлых мыслей, что гнали его вперёд столько дней подряд. Это был не просто сон, а обещание чего-то дерзкого, запретного, манящего.

В этом сне Пол был капитаном бригантины, и корабль его летел по темным волнам. Куда? Этого Пол не знал. Паруса трепетали, натянутые до хруста, как натянутая струна перед первым аккордом безумной песни. Шторм не утихал — он становился только яростнее, но в рёве ветра Пол вдруг начал различать не только рёв стихии, а ещё и низкий, тягучий напев, от которого по коже бежали приятные мурашки, а в груди всё сжималось от странного, пьянящего предвкушения.

Из пены, взлетающей над бортом, начали возникать женские силуэты — русалки. Они выныривали из волн с ленивой, кошачьей грацией, их волосы струились, как тёмные водоросли, а глаза бесстыже мерцали, будто в них плескались осколки лунного света. Они не кричали ему про компас и не спрашивали про курс — они пели. Их голоса сплетались с рёвом шторма в дикую, завораживающую мелодию, от которой хотелось одновременно рулить прямо в сердце урагана и бросить штурвал, чтобы просто слушать, слушать, пока не сойдёшь с ума от этого звука.

Одна из них, самая дерзкая, подплыла ближе, оперлась локтями о борт и, чуть склонив голову, улыбнулась так, что у Пола во сне перехватило дыхание.

— Спаси нас, ковбой, — прошептала она, и её голос был как бархат, натёртый солью: мягкий, но с обжигающей горчинкой, от которой по коже бежали приятные мурашки.

Пол заворожённо обвёл блестящие, как ртуть в лунном свете, тела русалок. Их изгибы мерцали, словно живые отражения звёзд, и каждый блик казался обещанием чего-то безрассудного, манящего, непоправимого.

— Всех сразу? — изумлённо пролепетал он, не верил, что произнёс это вслух.

— Глупый, разумеется, всех. Или тебе слабо? — спросила та, придирчиво осматривая Пола с головы до ног, будто проверяя, насколько он настоящий, насколько живой.

Вокруг бригантины русалки кружили, как вихрь соблазна: то скользнут вдоль борта, едва касаясь, то поднимутся из воды, призывно сверкнув грудью, и снова исчезнут в пене, оставляя после себя только влажный след и дразнящий смех, похожий на перезвон хрустальных бокалов.

Воздух вокруг стал словно мёд, смешанный с грозой, — тягучий, пряный. Каждый его глоток пьянил Пола сильнее любого рома, туманил разум, заставлял сердце биться в такт рас-

катам грома. Даже молнии теперь вспыхивали, как отблески страсти, очерчивая изгибы их силуэтов, подсвечивая эту дикую красоту на сцене, где главным зрителем был он — и где он уже не понимал, пленник он или добровольный участник этого безумия.

И посреди всей этой вакханалии, он увидел стоящую на мостике женщину в форме боцмана, почему-то запутавшуюся в водорослях.

— Даже не думай! — кричала она, топая ножками и размахивая перед русалкой изящным кулачком.

И этот стук ее каблуков ворвался в реальность Пола сквозь шторм и сон с грубой, будничной неизбежностью — резкий стук в дверь прозвучал так, будто кто-то снаружи решил проверить прочность стены кувалдой. Сон рассыпался, как пена с гребня волны, унося с собой и бригантину, и шторм, и русалок с их манящими улыбками, а заодно и женщину- боцмана...

Пол нехотя приоткрыл глаза, будто каждое веко было отлито из свинца и приковано к лицу ржавыми петлями, и на мгновение замер, пытаясь удержать в памяти хотя бы обрывок этого морского безумия.

Стук повторился — на этот раз более настойчивее, требовательнее, не терпящий возражений.

— Медуза тебе в печень! Якорь в глотку! Мачту в зад! — Пол вспомнил типично морские метафоры, где в ругательство изящно вплетались детали корабельной жизни.

Обреченно вздохнув, он с тихим стоном поднялся и подойдя к двери распахнул её.

На пороге стояла та самая женщина-боцман из его сна... Её улыбка была дерзкой, кокетливой, а в голубых, как летнее небо, глазах плясали озорные искры.

— Мне показалось, или ты, проходя мимо, что-то забыл? — промурлыкала она, чуть наклонив голову.

Пол удивлённо посмотрел на неё, пытаясь собрать мысли, но они разлетались, как испуганные птицы.

— Что именно? — спросил он, голос прозвучал чуть хрипловато после сна.

— Ну разумеется — меня! — она рассмеялась, заставив Пола улыбнуться.

Женщина протянула к нему руки, и в тот же миг Пол явственно почувствовал терпкий аромат страсти, вина, смешанный с волнующим восточным парфюмом — пряным, обволакивающим, как ночной туман над морем. Крепкие руки обвили его шею и Пол на мгновение ощутил себя жертвой в объятиях питона: не столько беспомощной, сколько замороженной, добровольно отдавшей этой опасной, но притягательной власти.

Чувство, которое он давно уже не испытывал, накрыло его горячей волной страсти. Он даже не думал сопротивляться: инстинкты, дремавшие где-то глубоко внутри, вдруг проснулись, заговорили громко и уверенно, подсказывая, что сейчас нужно не думать, а делать. И Пол, впервые за долгое время, решил им довериться.

Два тела рухнули как одно на уже смятую кровать — пружины тихо всхлипнули, уступая напору страсти, а шёлковые простыни скользнули под ними, словно живые. Время на мгновение замерло: в комнате повисла та самая звенящая пауза, когда мир сужается до одного дыхания, до одного взгляда, до биения двух сердец, слившихся в едином ритме.

Аромат восточных духов смешался с запахом нагретой кожи, терпким шлейфом вина и чем-то неуловимо горьким — привкусом риска, который только подливал масла в огонь. Её пальцы скользнули по его плечам, цепкие, настойчивые, будто она хотела убедиться, что он здесь, настоящий, а не видение из полудрёмы. А Пол, отбросив привычную осторожность, позволил себе раствориться в этом мгновении — впервые за долгое время, не просчитывая шагов наперёд, не оглядываясь через плечо на тень, что всегда шла за ним по пятам.

Она чуть приподнялась на локте, склонилась над ним, и в её голубых глазах, теперь потемневших от влечения, мелькнуло что-то хищное и одновременно игривое.

— Ты ведь не из тех, кто сдаётся без боя?

Пол только усмехнулся — коротко, почти беззвучно, но в этой усмешке было столько уверенности, что она невольно вздрогнула, будто наткнулась на остриё клинка. Он перевернул её одним плавным движением, не грубо, но так, что стало ясно: жертва тут далеко не он. Пол смотрел на неё сверху вниз, и в его взгляде не было ни покорности, ни растерянности — только холодная искра азарта, знакомая ей по другим схваткам, только на этот раз ставки были выше.

— Точно нет, — проговорил он тихо, и его голос, низкий и чуть хрипловатый, прокатился по комнате, как раскат далёкого грома. — А ты ведь не из тех, кто проигрывает добровольно?

— Точно нет... — эхом сорвалось с её губ.

Она рассмеялась — звонко, дерзко, будто этот перевёрнутый расклад только раззадорил её. Пальцы её скользнули к его запястьям, но не чтобы удержать, а чтобы проверить, насколько крепка эта хватка, насколько далеко он готов зайти. И в этом молчаливом поединке, где слова были лишними, рождалось что-то новое — не просто страсть, а схватка, в которой оба хотели победить и оба надеялись проиграть.

За окном медленно опускались сумерки, окрашивая море в лиловые и алые тона, а внутри виллы время будто потеряло власть. Здесь существовали только они, смятые простыни, тяжёлый аромат духов и эта странная, пьянящая игра, в которой каждый шаг был одновременно обещанием и угрозой. И Пол, забыв обо всём на свете, наконец-то позволил себе жить — не завтра, не потом, а прямо сейчас, в этом бешено мчащемся мгновении, где не было места ни страху, ни сомнениям.

Когда Пол «заходил на второй круг», внезапно вновь раздался стук в дверь — настойчивый, безжалостный, будто сам Бог, усмехался над тщетностью людских замыслов.

— Даже не думай! — строго предупредила незнакомка, с трудом отрывая свои губы от губ Пола.

— А если это пожар? — шутливо приподнял бровь Пол.

— Твой пожар уже тут, — недвусмысленно намекнула она ему. — Хочешь поднять градус?

Пол не раздумывая охотно кивнул и снова притянул её к себе, будто хотел спрятать от всего мира — и от этого проклятого стука заодно. Но стук не замолкал: из вежливого он перешёл в глухие, тяжёлые удары, словно за дверью стоял судебный пристав.

Пол вновь поднял голову, вздохнул и, словно извиняясь, пробормотал:

— Я быстро. Не успеешь остыть...

— Остыть? — она возмущённо приподнялась на локте, и Полу показалось — она сейчас задохнется. — Даже не надейся! Во мне гремучая смесь бурбона с выдержанным вином — я могу гореть неделями... Ладно... Но, если ты сейчас откроешь дверь и не вернешься, я найду тебя и...

Она ласково провела рукой сначала по его шее, недвусмысленно намекая на последствия, а затем спустилась ниже. Он в буквальном смысле ощутил, как жар прокатывается по всему его телу — словно кто-то поднёс к коже пламя и держал ровно столько, чтобы обжечь, но не сжечь.

Любопытство всё же взяло верх. Стоило узнать, в чём там дело. Он перехватил её руку и накинув халат, бодро встал с кровати, будто собирался выйти на ринг, уверенно шагнул к двери гостиной. И тут его поджидал очередной сюрприз.

Едва Пол успел повернуть ручку — как появившаяся женская рука буквально выдернула его из дверного проёма, резко, стремительно, так, что у того от неожиданности повысился адреналин в крови.

Перед ним стояла женщина редкой природной красоты — чуть моложе той, что осталась в спальне, но не менее красноречивая в своих желаниях. В её движениях чувствовалась та самая безошибочная уверенность, с какой хищники выбирают момент для прыжка. Она схватила Пола за руку и притянула к себе, будто он был её собственностью.

«Я действительно в Раю...», — мелькнуло у Пола в голове, и эта мысль прозвучала не как восторг, а как обречённое смирение перед абсурдом происходящего.

— Мне срочно нужна помощь, — заговорщики прошептала она ему прямо в ухо, и от этого шёпота по спине Пола снова пробежали мурашки.

— Мне тоже... — не раздумывая, согласился Пол.

— О нет милый, тебе уже ничем не помочь, а вот мне ещё можно, — парировала она с лёгкой усмешкой и, развернувшись на сто восемьдесят градусов — будто исполняла сложный танцевальный пируэт, — буквально затащила Пола обратно в его же виллу и потащила, как трофей в сторону спальни.

Он не сопротивлялся — скорее, словно во сне, плыл по течению этого безумия, как листок, подхваченный бурным потоком.

В спальне всё случилось в одно мгновение: незнакомка упала спиной на кровать, увлекая Пола в пучину греха, как якорь тянет за собой на дно судно. Первая дама едва успела отодвинуться — её движение было столь стремительным и грациозным, что напоминало прыжок кошки, увидевшей на своей территории конкурента.

И вот они — все трое — оказались в этой нелепой, почти театральной сцене: одна женщина — с видом оскорблённой королевы, вторая — с дерзкой ухмылкой победительницы, а главный герой фарса — Пол, посередине, всё ещё не понимая, что, собственно, происходит.

Неловкость повисла в воздухе, как забытый на люстре воздушный шарик: нелепая, яркая и совершенно не к месту.

— Николь? — вскричала первая дама, и голос её прозвучал как категорический протест.

— Мишель? — отозвалась вторая, и в этом отзвуке смешались изумление и признание соперницы равной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.